

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОСЛЕ “ХАЛИФАТА”: КАКОЕ БУДУЩЕЕ ЖДЕТ ИГИЛ?

© 2018 г. А. Яшлавский

*ЯШЛАВСКИЙ Андрей Эдуардович, кандидат политических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (dosier@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 13.03.2018.

Потеря террористической группировкой ИГИЛ контролируемых ею территорий в Ираке и Сирии значительно ослабила потенциал экстремистов, однако не означает победы над ними. Группировка демонстрирует способность адаптироваться к новым условиям, переходит к использованию новой тактики (диверсионно-партизанская деятельность, теракты и т.д.). Сохранение нестабильности в зоне конфликта вызывает опасения относительно возможности возрождения ИГИЛ и даже некоторого реванша (в том числе захват территорий). Кроме того, существует вероятность перетекания боевиков “Исламского государства” в различные регионы мира – как в конфликтные зоны (Афганистан, Йемен, Ливия и т.д.), так и в другие страны (в том числе европейские). Существует угроза возвращения боевиков-иностранцев, воевавших на стороне джихадистов, в страны их происхождения для проведения подрывной и террористической деятельности, а также формирования “спящих” ячеек “автономного джихада”.

Ключевые слова: экстремизм, исламизм, джихадизм, “Исламское государство” Сирия, Ирак, Афганистан, Йемен, “Боко Харам”, Ближний Восток, терроризм, ИГИЛ, ИГ, “халифат”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-55-64

НОВАЯ ТАКТИКА И НОВЫЕ УГРОЗЫ

Во второй половине 2017 г. силам, ведущим борьбу с террористами ИГИЛ¹, удалось добиться значительных успехов. В Ираке правительственные и проправительственные силы вытеснили боевиков “Исламского государства” из таких городов, как Эль-Фаллуджа, Рамади, Таль-Афар. В конечном счете в июле 2017 г. группировка ИГИЛ была выбита из удерживаемого ею с июня 2014 г. Мосула, де-факто являвшегося “иракской столицей” самопровозглашенного “халифата” (именно в этом городе, к слову, лидер ИГИЛ Абу Бакр аль-Багдади и провозгласил 29 июня 2014 г. создание “халифата”). В октябре 2017 г. под ударами поддерживаемых Соединенными Штатами отрядов “Сирийских демократических сил” пала “столица” ИГИЛ Ракка. В начале ноября 2017 г. сирийским правительственным силам при поддержке российских ВКС удалось установить полный контроль над городом Дейр-эз-Зор, находящимся вблизи границы с Ираком, что делало его стратегически важным пунктом для переброски сил боевиков. Таким образом, к концу 2017 г. большая часть территорий, находившихся под контролем так называемого халифата, была освобождена (а на пике своего могущества “Исламское государство” занимало примерно треть иракской территории и около половины территории Сирии). Из-под власти “Исламского государства” были вырваны практически

все сколько-нибудь крупные населенные пункты. Сильно подорванными оказались и финансовые возможности группировки, утратившей доходы от торговли углеводородами. Потеря территорий, вне всякого сомнения, наносит серьезный удар по “репутации” ИГИЛ в глазах ее потенциальных сторонников. Пропаганде джихадистов становится сложнее рисовать имидж не просто “непобедимой” группировки, но и реально существующего государства, обладающего территорией, регулярной армией, государственными структурами, проводящего социальную политику и т.д. Как отмечает британский исследователь Ч. Винтер, потеря территорий сказалась как на тональности распространяемой через Интернет пропаганды ИГИЛ, так и на ее объемах. Утрата контроля джихадистов над крупными городами, с одной стороны, лишает террористическую группировку возможности выпускать пропагандистские материалы в прежних количествах, а с другой – не позволяет использовать эксплуатировавшиеся прежде сюжеты о “преlestях” жизни в “халифате”. На качестве выпускаемой джихадистами агитационной продукции сказывается, по мнению Ч. Винтера, и кадровый дефицит, возникший в результате ликвидации как ряда высокопоставленных деятелей ИГИЛ, в том числе ведавших и системой пропаганды, так и технических исполнителей. И наконец, играет свою роль и антитеррористическая деятельность в Интернете (ИГИЛ оказывается, в частности, отрезанным от ряда социальных сетей и файлообменников) [1]. Тем не менее сбой в работе пропа-

¹ “Исламское государство Ирака и Леванта”, также “Исламское государство”/ИГ – террористическая группировка, запрещенная в России и других странах

гандистской машины “Исламского государства” не означают ее полной и окончательной поломки: экстремисты по-прежнему активно пользуются в своих целях социальными сетями, различными мессенджерами и т.д. (как для пропаганды своих идей, так и для коммуникации между собой).

Как бы то ни было, рано говорить о победе над ИГИЛ, “пророчества об окончательной кончине этой группировки – преждевременны. Мир сейчас является свидетелем переходного периода и во многих отношениях перерождения – от повстанческой организации со стационарными штаб-квартирами до подпольной террористической сети, распространенной по региону и всему миру” [2]. Странам, участвующим в борьбе против терроризма (и России в том числе), необходимо своевременно и гибко реагировать на изменения, претерпеваемые группировкой ИГИЛ, для эффективного противостояния исходящей от экстремистов угрозы.

В данном случае складывается двойственная ситуация. С одной стороны, международному сообществу, ведущему антитеррористическую борьбу, очевидно, не нужно существование квазигосударственного образования, контролирующего тысячи квадратных километров и использующего это обстоятельство для собственной легитимизации (по крайней мере, в глазах потенциальных сторонников и рекрутов по всему миру). Ликвидация такого квазигосударства, несомненно, отрицательно сказывается и на его способности привлекать к себе представителей различных этнических, социальных, гендерных, возрастных групп из разных стран.

С другой стороны, бороться с врагом, имеющим “территориальное измерение”, в каком-то смысле легче, чем противостоять врагу невидимому, действующему из подполья и ведущему партизанскую войну. Между тем “с концом материально существовавшего халифата тактика ИГИЛ претерпевает изменения. Похоже, что группировка все больше старается избегать крупных боестолкновений, вместо этого прибегая к террористическим актам на Ближнем Востоке, в других конфликтных зонах и на Западе” [3]. И можно согласиться с мнением, что процесс перерастания воинствующей группировки, которая контролирует определенную территорию, в террористическую организацию, действующую без территориальной привязки, свидетельствует о росте исходящей от ИГ угрозы как в регионе, так и за его пределами [4]. “Исламское государство” трансформируется в террористическую организацию с “плоской иерархией”, подразумевающей минимизацию уровней управления: ее ячейки и филиалы действуют все более самостоятельно, а совокупность “неудавшихся путеше-

ственников” (радикально настроенных сторонников джихадистов, которые не сумели попасть в зону конфликта из-за ужесточения мер контроля), лиц, симпатизирующих ИГИЛ, репатриантов и переселенцев из числа членов ИГИЛ создает повышенную угрозу [5].

Прежде всего приходится признать, что террористическая группировка сохранит в обозримом будущем высокую активность на территориях Сирии и Ирака, переходя к тактике партизанской войны (в том числе и в городских условиях), осуществляя диверсионно-террористические операции и акты саботажа (как в условиях, например, сирийской гражданской войны, так и в других зонах конфликта, а также в странах, находящихся вне конфликтных зон). Аналитики указывают на то, что возрастает угроза применения “Исламским государством” террористических актов с участием смертников, операций в духе “бей и беги”. Избегая широкомасштабных прямых боевых столкновений с противником, группировка будет сосредотачиваться на мелких, но многочисленных и максимально болезненных для врагов ИГИЛ ударах. “Даже само ИГИЛ признает, что дни захвата и удерживания городов миновали” [3].

Нельзя исключать, что ИГИЛ может добиться определенных тактических успехов и даже вновь взять под контроль более или менее обширные сирийские и/или иракские территории. “Разброд и шатания” среди сил, ведущих войну против ИГИЛ, позволяют этой группировке “ловить рыбу в мутной воде”. Следует, в частности, принимать во внимание растущее недовольство среди суннитского населения освобожденных от “Исламского государства” районов в Ираке, вызванное медленными темпами восстановления экономики и инфраструктуры после военных действий, ростом безработицы, а также политикой центрального правительства Ирака, “заигрывающего”, по мнению многих, с Тегераном. У многих иракских суннитов вызывает настороженность рост влияния воюющих против ИГИЛ на стороне правительства “Сил народной мобилизации” (проправительственное ополчение, состоящее из шиитских, езидских и христианских формирований), считающихся союзником Ирана. Если недовольство среди арабского суннитского населения районов, освобожденных от боевиков ИГИЛ, будет расти, джихадистская группировка может получить подпитку в виде новых рекрутов, а соответственно обзавестись и более широкой базой поддержки местного населения. Как отмечает директор центра международной безопасности и оборонной политики корпорации *RAND* С. Джонс, “боевики ИГИЛ пытаются по максимуму использовать это недовольство по нескольким направлениям. Агенты группировки рекрутировали новых членов,

которые раздосадованы темпами восстановления суннитских городов, злятся из-за друзей или родственников, столкнувшихся со злоупотреблениями со стороны проправительственных ополченцев, и нервничают из-за растущего иранского влияния в их стране. Иракские силы безопасности с тревогой отмечают, что ячейки ИГИЛ восстанавливают разведывательные силы в Рамади и Фаллудже” [6]. На необходимость скорейшей стабилизации положения в районах, освобожденных от боевиков ИГ, указывает и заместитель спецпредставителя Вспомогательной миссии ООН по Ираку Л. Гранде: “Существует риск того, что если мы быстро не стабилизируем эти регионы, насильственный экстремизм может возродиться вновь. Те военные победы, которые были достигнуты, могут быть потеряны” [7]. И речь в данном случае идет прежде всего о районах этнически и конфессионально неоднородных, что чревато возможными трениями, способными вылиться в серьезные конфликты, которыми могут воспользоваться в своих целях воинствующие джихадисты.

Так что можно согласиться с мнением тех экспертов, которые не исключают возможности возрождения в будущем “халифата” на землях Ирака и/или Сирии. Как утверждают аналитики *RAND Corporation* Б. Бани и П. Джонстон, сценарий такого возрождения планируется “Исламским государством” по меньшей мере с 2016 г. и был подготовлен задолго до падения Ракки в октябре 2017 г. [8]

Надо иметь в виду, что восстановление “халифата” в принципе является “золотой мечтой” практически всех воинствующих исламистских группировок, тем более в регионе, имеющем большое значение в свете религиозных эсхатологических представлений (в частности, территория Сирии рассматривается как место последней “апокалиптической” битвы, предшествующей концу света).

В конечном счете надо помнить, что созданию “Исламского государства Ирака и Леванта” предшествовало образование другой группировки — “Исламского государства Ирака”, которая вела активную террористическую деятельность на иракской территории, сумев вырасти в значительную военную силу, превратившись в мощного актора региональной политики. Действительно, в период, предшествовавший провозглашению в июне 2014 г. так называемого халифата, эта группировка представляла собой огромную опасность, осуществляя дерзкие операции, многочисленные теракты, проводя показательные казни пленных и т.д. Более того, даже до начала сирийского кризиса группировка (под вывеской “Исламского государства Ирак”) демонстрировала, пусть и ограниченные, попытки установить джихадистское правление на попавших под ее контроль иракских территори-

ях [9]. Соответственно, у группировки есть исторический опыт “воскрешения” в условиях, казалось бы, едва ли не полного разгрома. Немаловажным является в этом контексте и пример соперничающей с ИГИЛ родственной ей сети “Аль-Каида”, которая сумела преодолеть казавшееся неизбежным угасание и заявить о себе, например в Сирии, как об опасном и сильном акторе (в виде группировки “Джебхат ан-Нусра”²). Аналогично и “Исламское государство” демонстрирует способность адаптироваться к изменившимся условиям.

И в этой связи нелишне будет коснуться и отдельно стоящей угрозы потенциального объединения усилий ИГИЛ и “Аль-Каиды” (или ее региональных ответвлений). Ведь после того как провозглашенный Абу Бакром аль-Багдади “халифат” все более становится химерой, один из главных пунктов расхождений между двумя террористическими группировками может потерять актуальность. О возможном альянсе в апреле 2017 г., в частности, предупреждал вице-президент Ирака А. Алави. Потенциальное слияние двух сетей (ИГ и “Аль-Каиды”), по крайней мере в некоторых регионах, может представлять новую угрозу, полагают и авторы опубликованного в январе 2018 г. 21-го доклада Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленного во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), “Аль-Каиде” и связанным с ними лицам и организациям [5].

Нельзя исключать и того, что определенная часть сторонников “Исламского государства” перейдет под знамена других салафитско-джихадистских группировок (в том числе не исключено, что это будет происходить в соответствии с тактикой “энтризма” для последующего переподчинения этих группировок “Исламскому государству”).

“ПЕРЕТЕКАНИЕ” БОЕВИКОВ: ОТ НИГЕРИИ ДО ФИЛИППИН

Можно предположить, что немалая часть боевиков ИГИЛ останется в Сирии и Ираке, тогда как часть их, прежде всего иностранного происхождения, может перебазироваться в другие страны — туда, где сторонниками группировки провозглашено создание “вилаяетов” “Исламского государства”. В частности, автор работы “Халифат на войне” А. Хашим указывает, что “многосторонние антитеррористические усилия должны быть превентивными, чтобы остатки ИГ не укрылись в Ливии, Сомали и Йемене. Эти три страны представляют собой серьезные проблемы для ре-

² Запрещенная в России террористическая группировка. После ряда трансформаций с начала 2017 г. выступает под названием “Хайат Тахрир аш-Шам”.

гиональной стабильности, поскольку страдают от катастрофических политических, социоэкономических и общественных раздоров” [10, р. 294]. Другие эксперты указывают также на Афганистан как на одно из самых вероятных направлений, куда могут перебазироваться сторонники ИГ. Называются также другие страны и регионы (Северная Африка, Африканский Рог, Западная Африка, Юго-Восточная Азия и т.д.).

С одной стороны, очевидно стремление лидеров ИГИЛ создать террористическую сеть за пределами ближневосточного региона, с другой стороны, трудно говорить о широкомасштабном перетекании боевиков-джихадистов из Сирии и Ирака в новые зоны как о свершившемся факте. Выступая на Мюнхенской конференции по безопасности 17 февраля 2018 г., глава МВД Германии Т. де Мезьер заявил, что спецслужбы ФРГ не выявили значительных перемещений иностранцев, воевавших за “Исламское государство”, в Афганистан, Ливию или Йемен. Тем не менее слова немецкого министра о том, что ситуация может измениться (“Нужно быть готовым”³), прозвучали как предостережение.

Говорить о массовом перетекании сторонников ИГИЛ из Сирии и Ирака в другие “горячие точки” было бы преувеличением. Прежде всего военные конфликты в указанных странах продолжаются, и, даже потеряв огромную часть своих территорий, ИГИЛ продолжает оставаться в регионе серьезным актором, надеясь на возможность реванша. Другие же конфликтные зоны (Синайский полуостров, Ливия, Йемен и т. д.) не имеют в большинстве своем — в отличие от той же Сирии — сакрального и универсального для джихадистов значения, а рассматриваются все-таки более как локальные конфликты.

В конце концов, даже желание тех или иных боевиков ИГ перебраться в другие регионы не исключает и чисто логистических проблем: так, едва ли не единственным “удобным” перевалочным пунктом для “миграции” значительного числа бойцов остается Турция, которая декларирует свое активное участие в операциях против ИГИЛ. Однако эти соображения, конечно, не означают того, что в том или ином количестве сторонники ИГ не будут перебазироваться в различные конфликтные зоны в Центральной и Южной Азии, Северной и Центральной Африки, Аравийского полуострова и т.д.

Можно согласиться с мнением тех экспертов, которые полагают, что ИГИЛ в качестве “безопасной гавани” для подготовки террористических актов за рубежом может использовать *Афганистан и Пакистан*. Афилированные с “Исламским го-

сударством” группировки пытаются закрепиться в Афганистане. Об организации нового подразделения группировки, которое будет отвечать за операции ИГ на территории Афганистана и Пакистана, “Исламское государство” объявило в январе 2015 г., а в марте афганское правительство впервые официально признало присутствие в стране боевиков ИГ.

“Исламское государство” объявило о создании в Афганистане “вилаята” “Хорасан” (в этом названии содержится отсылка к историческому региону Великий Хорасан, объединявшему части современных Ирана, Афганистана, Средней Азии). Отметим, что с точки зрения лидеров “Исламского государства”, Хорасан имеет важное историческое и религиозное (не говоря уж о стратегическом) значение, связанное с пророчествами об армии праведных, которая придет со стороны Хорасана, по Ближнему Востоку и достигнет Иерусалима [11, pp. 153-154].

Численность сторонников ИГ на территории Афганистана оценивается от 1 до 5 тыс. боевиков. Боевики и сторонники ИГ в Афганистане состоят из бывших членов группировки “Техрик-е Талибан Пакистан” и перебежчиков из числа афганских талибов, а также представителей “Исламского движения Узбекистана” и других экстремистских группировок, состоящих из иностранцев [12]. В ноябре 2016 г. сторонникам ИГИЛ удалось захватить один из округов в северо-западной части Афганистана.

Противниками ИГ в Афганистане являются не только правительственные силы и поддерживающие официальный Кабул американцы, но и исламисты из движения “Талибан”⁴. Характерная для сторонников “Исламского государства” крайняя жестокость и отсутствие идеологической гибкости отпугивает многих афганцев, в том числе и сторонников ИГ. Но, несмотря на то что талибы гораздо глубже и прочнее связаны с Афганистаном, ИГ все же удается пустить корни в этой стране, и экспертное сообщество указывает на то, что силам “Исламского государства” удается проникать даже в Кабул, рекрутируя десятки местных жителей, включая детей.

Одно из направлений деятельности в Афганистане боевиков ИГ, устраивающих террористические атаки против шиитов, — попытка трансформировать конфликт в межконфессиональный (к тому же очевидно, что нападения на шиитов имеют отчетливую антииранскую окраску). В октябре 2017 г. жертвами нападения на шиитскую мечеть в Афганистане стали по меньшей мере 39 человек. В декабре 2017 г. в Кабуле против шиитского культурного центра террористом-смертником со-

³ Спецслужбы ФРГ не зафиксировали ухода боевиков ИГ в другие регионы конфликтов. *Deutsche Welle*, 18.02.2018.

⁴ Движение “Талибан” признано Верховным Судом РФ террористической организацией, деятельность которой запрещена на территории России.

вершен теракт, в котором были обвинены силы, связанные с “Исламским государством”. Удары, нанесенные в афганской столице, несмотря на все предусмотренные военными меры безопасности, свидетельствуют о способности этой группировки к выживанию, хотя провозглашенный ею в Ираке и Сирии “халифат” и был разрушен [13].

Еще одним местом, на которое может обратить свое пристальное внимание “Исламское государство”, — это *Йемен*, беднейшая на Ближнем Востоке страна, раздираемая серьезными противоречиями и находящаяся в состоянии гражданской войны, отягощенной иностранным военным вмешательством (прежде всего возглавляемая Саудовской Аравией интервенция коалиции арабских государств). В йеменской междоусобице тон задают шиитские повстанцы-хуситы, а также суннитские группировки, среди которых выделяется “Аль-Каида на Аравийском полуострове” (АКАП). При этом “Исламское государство” тоже обозначило свое участие в йеменском конфликте. В джихадистской среде на Аравийском полуострове выражения симпатий к “Исламскому государству” появились вскоре после провозглашения Абу Бакром аль-Багдади “халифата” летом 2014 г.

Уже в марте 2015 г. сторонники ИГИЛ взяли на себя ответственность за захват в плен и казнь 29 йеменских солдат, а также за взрывы в двух мечетях в г. Сана, в результате которых погибли 137 хуситов [14, р. 173]. Вслед за этими атаками был совершен ряд нападений, направленных прежде всего против шиитов, что (как и в других регионах) укладывается в логику ИГИЛ, взявшего на себя роль “защитника” суннитов в их противостоянии с шиитскими “еретиками”. Впрочем, это обстоятельство не мешает сторонникам “Исламского государства” в Йемене воевать и против саудовской коалиции, и против правительственных сил, и против собственных конкурентов-джихадистов [15, р. 403]. Йемен в случае активизации здесь деятельности “Исламского государства” рискует превратиться в новую арену острого соперничества двух салафитско-джихадистских группировок (“Аль-Каиды” и ИГИЛ), которое, в частности, уже проявилось в Сирии. Как отмечает американский эксперт в области терроризма М. Нэнс, «если продолжится рост влияния ИГИЛ в Йемене, оно приведет к прямой конфронтации с АКАП, которая фундаментально угрожает всей “Аль-Каиде”» [14, р. 173]. Тем не менее позиции “Исламского государства” в Йемене выглядят в настоящее время слабее, чем у “Аль-Каиды на Аравийском полуострове” [5].

На *Синайском полуострове (Египет)*⁵ продолжают действовать радикальные исламисты, свя-

⁵ Есть признаки попыток сторонников ИГ закрепиться не только на Синае, но и в африканской части Египта.

занные с “Исламским государством”. Действующая здесь салафитская группировка “Ансар Бейт аль-Макдис” (АБМ) объявила себя связанной с ИГИЛ в конце 2014 г. “Исламское государство” и ранее проявляло интерес к установлению контактов с египетскими джихадистами. В частности, после гибели одного из лидеров “Ансар Бейт аль-Макдис” Тауфика Мохаммада Фараджа (известного как Абу Абдалла) ИГИЛ направило своих представителей для установления связей с этой египетской группировкой. При этом, поскольку члены АБМ исторически были ближе “Аль-Каиде”, среди них разгорелись внутренние споры об альянсе с ИГИЛ, сопровождавшиеся появлением в Интернете фальшивых сведений о присяге, принесенной египетскими исламистами “Исламскому государству”, и их опровержениями [14, pp. 84–85]. В конце концов, группировка “Ансар Бейт аль-Макдис” официально принесла присягу на верность “халифу” Абу Бакру аль-Багдади 11 ноября 2014 г.

Действующие на Синайском полуострове террористы, связанные с ИГ, представляют немалую угрозу как стабильности и безопасности в самом Египте, так и за его пределами. Боевики совершают нападения и на египетских представителей власти и силовых структур, и на мирных граждан (в том числе христиан-коптов) и иностранцев (в частности, на туристов), совершают обстрелы территории Израиля и т.д. Жертвами египетских сторонников “Исламского государства” становятся и мусульмане (в результате нападения боевиков на суфийскую мечеть в Эр-Рауда погибли более 300 человек). Именно группировка “Ансар Бейт аль-Макдис” взяла на себя ответственность за взрыв на борту российского авиалайнера, выполнявшего 31 октября 2015 г. рейс из Шарм-аш-Шейха в Санкт-Петербург.

Сотнями местных бойцов, имеющих военный опыт, располагает “Исламское государство” в *Ливии*. Эта страна, представляющая собой после падения власти полковника М. Каддафи классический пример “несостоявшегося государства” (*failed state*), погружена в хаос междоусобных конфликтов и разделена между вооруженными группировками различного толка (в том числе и исламистского). Транснациональные террористические группировки (прежде всего — “Аль-Каида” и ИГИЛ), пользуясь ситуацией крайней нестабильности в Ливии, сумели рекрутировать немало ливийских боевиков для участия в сирийском конфликте. При этом часть ливийских джихадистов за прошедшие годы вернулась на родину, применяя полученный в Сирии боевой опыт. Исторически “Аль-Каида” имела большее влияние на ливийских исламистов (см., например, “Ливийская исламская боевая группа”), чем ИГИЛ. Тем не менее “Исламскому госу-

дарству” удалось “переиграть” своих конкурентов, в том числе благодаря тому, что возвращавшиеся в Ливию из Сирии ливийские боевики начинали, например в портовом городе Дерна на востоке страны, работу по сплочиванию различных фракционных групп исламистов и поощрению их перехода под флаг ИГИЛ. Дерна, где в апреле 2014 г. группировка “Шура (совет) исламской молодежи” провозгласила создание “исламских судов”, стала одним из центров проникновения “Исламского государства” в Ливию. Осенью 2014 г. представители различных исламистских группировок в Дерне принесли присягу на верность Абу Бакру аль-Багдади. Впоследствии ИГИЛ “разделило” Ливию на три “вилайята”, соответствующих историческому делению страны на Киренаику, Триполитанию и Феццан.

Именно Ливия стала страной, где активнее всего действовало “Исламское государство” (кроме, само собой, Сирии и Ирака). Несмотря на это, есть основания для сомнений, что группировке в обозримой перспективе удастся закрепиться всерьез и надолго в этом регионе. Соперничество за власть и ресурсы с местной исламистской группировкой “Совет муджахедов Дерны” после убийства одного из ее лидеров сторонниками ИГ вылилось в открытую вражду и объявление в июне 2015 г. “Исламскому государству” “джихада”. В конечном счете боевики ИГИЛ были выбиты из Дерны, а после битвы за Сирт (2016 г.) “Исламское государство” потеряло и этот ливийский город, считавшийся самым значительным опорным пунктом ИГ за пределами Ирака и Сирии. Наблюдатели отмечают, что в условиях потери Сирта возможности ИГИЛ для будущей территориальной экспансии в Ливии ограничены с географической точки зрения, а группировка перемещается на юг, в частности в регион Феццан [16, p. 40].

Однако полностью игнорировать возможность активизации сторонников “Исламского государства” в Ливии все-таки не стоит, боевики ИГИЛ, потеряв контроль над Дерной и Сиртом, сохраняют свое присутствие в этой североафриканской стране. Существует немалая вероятность того, что ИГ в Ливии может продолжить свое существование, прибегнув к стратегии рассеивания, присоединения к другим джихадистским группировкам, возможного ребрендинга и формирования “спящих ячеек” в различных районах страны, “тем самым, эта группировка возвращается к тактике тех джихадистских группировок, из которых она возникла” [16, p. 42]. А сохранение в Ливии тех причин, которые обеспечивали в недавнем прошлом успех ИГИЛ (продолжающийся политический кризис, слабое государственное управление, плохое обеспечение безопасности, экономическая стагнация, господство вооруженных формирований и т.д.), дает

все основания для беспокойства насчет возможного возрождения данной группировки в этой стране.

Говоря о Северной Африке, надо помнить и то обстоятельство, что немалое количество боевиков джихадистских организаций на территории Сирии и Ирака имеют тунисское происхождение. На территории *Туниса* был осуществлен ряд террористических актов, ответственность за которые взяло на себя ИГИЛ (в частности, нападение вооруженного экстремиста на туристов на курорте Сус и взрыв автобуса с тунисскими силовиками в 2015 г.), а в марте 2016 г. связанные с “Исламским государством” боевики попытались захватить расположенный на границе с Ливией город Бенгердан. И опасения тунисских властей в связи с потенциальным возвращением получивших реальный боевой опыт тысяч молодых джихадистов в страну, не оправившуюся от последствий событий “арабской весны”, в этой связи не выглядят преувеличенными.

Ряд террористических актов, осуществленных радикальными исламистами на *Африканском континенте*, позволяет рассматривать Африку как одно из мест, куда могут перетекать вытесненные с Ближнего Востока террористические группировки вроде ИГИЛ или “Аль-Каиды”. До 6 тыс. африканцев, воевавших на стороне ИГИЛ в Сирии и Ираке, могут вернуться домой, предупреждал в декабре 2017 г. комиссар Африканского Союза по миру и безопасности С. Чергуи⁶. И возвращение подобных элементов в Африку представляет серьезную угрозу для безопасности и стабильности стран континента. Это касается прежде всего арабских стран Северной Африки, однако не только их. И страны к югу от Сахары, и государства Африканского Рога также рискуют столкнуться с активизацией джихадистских группировок за счет прибывших бойцов ИГИЛ, получивших в Сирии и Ираке боевой опыт. Как отмечает аналитик *RAND Europe* А. Уорд, “не ограничиваясь Европой, Соединенными Штатами и Ближним Востоком, ИГИЛ, очевидно, извлекает выгоду из комплексных вызовов в Африке. Бедность, коррупция и плохое управление делают этот континент идеальной почвой для убежища ИГИЛ, откуда группировка может начать свое возрождение” [17]. Более того, поскольку Запад слабо проинформирован о современной террористической деятельности в Африке, группировка ИГИЛ может получить время для перегруппировки на континенте, считает А. Уорд: “По сути дела, это может быть тем случаем, когда история повторяется. Еще в 2013 г. многие жители Запада находились в неведении о присутствии ИГИЛ и его вовлеченности в события в Сирии и Ираке. Действительно, параллели между наиболее уязвимыми частями

⁶ 6000 ISIS jihadists could return to Africa, AU warns. Available at: <https://www.news24.com/Africa/News/6-000-isis-jihadists-could-return-to-africa-au-warns-20171211> (accessed 20.02.2018).

сегодняшней Африки и началом кризиса в Сирии тревожно схожи” [18]. В то же время, на наш взгляд, довольно сомнительно, что в отличие от Северной Африки приток иностранных боевиков в Черную Африку (не считая тех, которые возвращаются в свои страны) будет значительным.

Хотя, конечно, следует помнить о том, что в марте 2015 г. лидер действующей в *Нигерии* группировки “Боко Харам” Абубакар Шекау объявил о верности “Исламскому государству”, после чего ИГИЛ заявило о расширении “халифата” за счет “вилаяята Западной Африки”. В настоящее время сколько-нибудь значительное перетекание сторонников “Исламского государства” из Сирии и Ирака в Нигерию (и Западную Африку вообще) выглядит крайне маловероятным.

Сообщения о том, что после падения в Сирии “столицы” ИГИЛ, г. Ракки, осенью 2017 г. африканские джихадисты призывали потенциальных сторонников к вступлению в “Исламское государство в Центральной Африке” на территории Демократической Республики Конго⁷, могут показаться довольно экзотическими (тем более для страны, где ислам исповедует менее 2% населения), однако, на наш взгляд, они заслуживают внимания, хотя само “Исламское государство” и не объявляло ранее о своем присутствии в этой африканской стране. Зато более осязаемой выглядит угроза активизации сторонников ИГ и “Аль-Каиды” в странах Западной Африки (Мали, Буркина-Фасо, Нигер).

Действующая в *Сомали* группировка “Аш-Шабаб”, которая пытается распространить свою деятельность на территории Кении, Джибути, Эфиопии, причастна к 987 из 1827 нападений, осуществленных воинствующими исламистскими группировками в Африке в 2017 г. (по данным Африканского центра исследований безопасности – *Africa Center for Security Studies* в Вашингтоне). Контролирующая большую часть сельской местности в Сомали “Аш-Шабаб” долгое время была аффилирована с “Аль-Каидой”, но в настоящее время проявляет готовность к сотрудничеству с ИГИЛ [19], а численность сомалийских сторонников ИГИЛ, получающих оружие из Йемена, имеют тенденцию к росту. Тем не менее позиции “Исламского государства” в Сомали остаются относительно слабыми.

Сомнительными представляются в настоящий момент перспективы перетекания сторонников ИГ и в страны Юго-Восточной Азии, хотя опре-

деленное число боевиков из Индонезии, Малайзии, Филиппин и др. принимали участие в боевых действиях на Ближнем Востоке. Наиболее значительным присутствием сторонников “Исламского государства” оказалось на *Филиппинах*. При том, что исламистское повстанческое движение в этом островном государстве действует достаточно давно, с 70-х годов прошлого века (в частности, сепаратисты из Фронта национального освобождения моро вели борьбу за автономию населенных мусульманами районов страны), а с начала 90-х в стране действует террористическая группировка “Абу Сайяф”, связанная с “Аль-Каидой”, “Исламское государство” проникло в эту страну сравнительно поздно, испытывая лишь ограниченный интерес к Филиппинам вплоть до 2016 г. Более того, как отмечают П. Джонстон и К. Кларк, хотя несколько филиппинских исламистских фракций пообещали принести присягу на верность “Исламскому государству”, они не встретили взаимности со стороны этой группировки: “никогда публично не было признано ни официального вилаяята на Филиппинах, ни франшизы”⁸. Следует заметить, что боевики из стран Юго-Восточной Азии имели относительно небольшой боевой опыт сражений на стороне “Исламского государства” (по оценкам, в Ираке и Сирии боевики из стран Южной и Юго-Восточной Азии составляли лишь около 5% общего числа иностранных бойцов группировки ИГИЛ) [20].

Тем не менее в мае 2017 г. боевикам группировки, связанной с “Исламским государством”, удалось захватить на южном филиппинском острове Минданао город Марави и удерживать его в течение нескольких месяцев. Так что потенциально риск перетекания на Филиппины боевиков ИГИЛ не следует сбрасывать со счетов. Тем более, что сам по себе факт захвата боевиками “Исламского государства” целого города с пропагандистской точки зрения имел немалое значение для экстремистов, действующих в Юго-Восточной Азии.

Теоретически возможна активизация усилий по проникновению сторонников ИГИЛ и в другие регионы (например, Кашмир, Бангладеш и т.д.), однако в обозримой перспективе вряд ли эти процессы будут иметь значительные масштабы.

“СПЯЩИЕ ЯЧЕЙКИ” И “АВТОНОМНЫЙ ДЖИХАД”

Разгром провозглашенного Абу Бакром аль-Багдади “халифата” чреват не только резким уменьшением количества зарубежных сторонников “Исламского государства”, желающих присоеди-

⁷ Jihadists claiming to be ‘Islamic State in Central Africa’ call for militants to join them in the Democratic Republic of the Congo as Middle East ‘caliphate’ crumbles. *The Daily Mail*, 18 October 2017. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4994414/ISIS-Central-Africa-call-support-Congo.html> (accessed 20.02.2018).

⁸ В данном случае имеется в виду “право” пользования брендом ИГИЛ.

няться к этой группировке, потерявшей контроль над территориями, но и оттоком иностранных боевиков, приехавших воевать за ИГИЛ из стран Запада (в самом широком понимании), в их родные страны. О реальной опасности возвращения в Россию бывших участников незаконных вооруженных формирований из стран Ближнего Востока, “которые могут войти в состав бандгрупп, законспирированных ячеек, а также участвовать в формировании их пособнической базы и вербовке новых боевиков”, неоднократно заявляли и руководители российских спецслужб⁹. Численность россиян, которые отправились за рубеж для участия в боевых действиях на стороне террористов, по состоянию на декабрь 2017 г. оценивалась в 4.5 тыс. человек.

Часть из иностранных сторонников джихадистских группировок, возвращающихся из Сирии и Ирака к себе домой, возможно, отойдет от экстремистской деятельности, а часть может влиться в “спящие ячейки” ИГИЛ и активно участвовать в деятельности исламистского подполья, вербуя новых рекрутов и устраивая террористические акции. По данным европейских контртеррористических структур, на сентябрь 2017 г. в рядах ИГИЛ в Сирии и Ираке оставались до 2.5 тыс. европейских бойцов, а по меньшей мере 1.5 тыс. европейских джихадистов к этому времени вернулись в Европу [21]. При этом эксперты обращают внимание на то, что, если иностранные боевики даже не возвращаются в свои европейские страны, они будут продолжать обеспечивать ИГИЛ связями с джихадистскими и криминальными сетями в Европе. Огромное беспокойство у спецслужб европейских стран вызывают, помимо возвращающихся на родину взрослых джихадистов, несовершеннолетние, ранее выехавшие в зону боевых действий вместе с родителями. Так, по высказанному в октябре 2017 г. мнению главы Федерального ведомства по охране конституции ФРГ Х.-Г. Масена, долгое время находившиеся среди джихадистов подростки были социализированы соответствующим образом и подверглись индоктринации в духе “Исламского государства”, так что возвращая их, Германия “может вырастить у себя поколение джихадистов”¹⁰. Нельзя исключить и возможность проникновения сторонников ИГИЛ в другие страны под видом беженцев.

Говоря о террористической деятельности “Исламского государства” на Западе, американские исследователи Дж. Кафарелла и Дж. Чжоу выделяют три вида терактов, связанных с ИГИЛ: 1) координируемые ИГИЛ атаки (теракты, спланированные, организованные и обеспеченные из Сирии,

Ирака или Ливии); 2) вдохновленные ИГИЛ теракты (например теракты, совершенные в ответ на призывы “Исламского государства” осуществлять нападения в Европе); 3) неизвестные теракты (могут быть вдохновлены как ИГИЛ, так и другими джихадистскими группировками) [21].

Есть все основания опасаться того, что, потеряв контроль над территориями на Ближнем Востоке, “Исламское государство” сохранит влияние на множество террористических ячеек и “одиночек”-последователей и будет стараться осуществлять еще больше терактов за пределами Сирии и Ирака, в том числе в Европе, Америке, Австралии и России. Причем следует заметить, что крайняя простота исполнения террористических актов не требует ни серьезного планирования, ни финансирования, ни логистического обеспечения, ни прямого руководства со стороны лидеров ИГИЛ – достаточно пропагандистско-идеологической “обработки” потенциального террориста через Интернет и социальные сети. И это обстоятельство не может не вызывать особой тревоги. По данным *Counter Extremism Project*, использование автомобилей как орудия террористических атак в последние годы растет: начиная с 2006 г., было осуществлено 33 теракта с использованием автомобилей, что привело к гибели 186 человек и ранению как минимум еще 1034 человек [17]. Еще одним тревожащим террористическим феноменом являются нападения с применением холодного оружия (в том числе обычных кухонных ножей). Изучение террористических актов, совершенных в последние годы в Европе, Америке и России, показывает, что очень небольшая часть их исполнителей принимала участие в военных действиях на стороне “Исламского государства” в Сирии и Ираке. Однако возвращение боевиков “халифата” в свои страны заставляет всерьез задуматься о той угрозе, которую они могут представлять в будущем (и не только как непосредственные исполнители и организаторы террористических нападений, но и как вдохновители, рекрутеры, воздействующие на молодежь). Расследования устроенных джихадистами терактов в Европе (в частности в Испании в августе 2017 г.), “выявили тесные взаимосвязи между иностранными боевиками-террористами в зонах конфликтов и их сторонниками в Европе” [5].

Потеря “Исламским государством” контроля над крупными населенными пунктами и большей частью территорий в Сирии и Ираке, без сомнения, подорвало как реальное, так и виртуальное могущество этой группировки. Однако она не только пытается адаптироваться к изменившимся условиям, сменить тактику и выжить, но по-прежнему сохраняет потенциал для возрождения, в том числе и в виде квазигосударства, имеющего “территориальное измерение”. Другой стороной проблемы

⁹ Бортник считает опасным возвращение из Сирии в Россию бывших боевиков. РИА Новости, 12.12.2017.

¹⁰ Немецкие дети “Исламского государства”: долгая дорога домой. *Deutsche Welle*, 05.12.2017.

является возможность перетекания командования и боевиков группировки в другие конфликтные зоны, а также в регионы, не являющиеся “горячими точками” (включая страны Запада). В этой связи особую озабоченность вызывает смена тактики террористов в сторону “автономного джихада” (как уже упоминалось, террористические группы или отдельные исполнители действуют независимо от центрального командования или координаторов экстремистского подполья; а в качестве исполнителей обычно используются террористы-одиночки, которых вербуют при помощи Интернета и которые не имеют оперативной связи с кураторами и лидерами террористических организаций).

Новые условия функционирования террористических группировок типа ИГИЛ требуют выработки гибких и комплексных подходов борьбы с ними.

Важным фактором антитеррористической борьбы является координация международных усилий по недопущению перебазирования сторонников ИГИЛ в другие страны. Необходимо и усиление пограничного контроля для предотвращения нелегального проникновения бывших боевиков ИГ в страны их происхождения, а также работа

спецслужб по изучению деятельности вернувшихся экстремистов.

Для эффективной борьбы с террористами необходимо продолжение военных ударов по боевикам ИГИЛ в Сирии, Ираке и других странах. В то же время не менее важным представляется создание в освобожденных от ИГ зонах *условий*, препятствующих реваншу джихадистов (к таким условиям относятся возрождение экономики, установление верховенства закона, создание рабочих мест, учет интересов местного населения и т.д.). Силам, занимающимся антиэкстремистской деятельностью, следует активно продолжать противодействие пропаганде экстремистов, чтобы максимально снизить количество потенциальных сторонников группировки. Как справедливо заметил координатор ЕС по контртеррористической деятельности Ж. де Кершов, “наши враги адаптируются к своей новой реальности, и в то время как физически существующий халифат рушится, виртуальный халифат восстает из пламени. ИГИЛ 2.0 не будет разбит лишь одной военной силой” [22]. Действительно, для эффективного противостояния экстремизму необходимо применять то, что именуется “умной силой”, сочетающей как элементы “жесткой” так и “мягкой силы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Winter Ch. *Is Islamic State losing control of its ‘virtual caliphate’?* Available at: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-41845285> (accessed 17.01.2018).
2. Clarke C.P. How ISIS is Transforming: Why Predictions of its Demise are Premature. *Foreign Affairs*, 09.25.2017. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2017-09-25/how-isis-transforming> (accessed 16.02.2018).
3. Dempsey M.P. How ISIS’ Strategy is Evolving: What the U.S. Can Do to Counter the Group’s Shifting Tactics. *Foreign Affairs*, 18.01.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2018-01-18/how-isis-strategy-evolving> (accessed 16.02.2018).
4. Levitt M. *Shutting the Door to the Islamic State*. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/closing-the-door-against-isis> (accessed 16/01/2018).
5. United Nations Security Council. *Twenty-first report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da’esh), Al-Qaida and associated individuals and entities*. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/14 (accessed 02.03.2018).
6. Jones S.G. *Islamic State 2.0*. Available at: <https://www.rand.org/blog/2017/08/islamic-state-20.html> (accessed 16.02.2018).
7. Dubin R. Coalition Analysis Warns of Potential Islamic State Resurgence: The militant group is on the run, but that doesn’t mean it won’t be back. *Foreign Policy*, 10.01.2018. Available at: foreignpolicy.com/2018/01/10/coalition-analysis-warns-of-potential-islamic-state-resurgence-iraq-isis-isil-terrorism-military/ (accessed 16.02.2018).
8. Bahney B., Johnston P.B. *ISIS Could Rise Again*. Available at: <https://www.rand.org/blog/2017/12/isis-could-rise-again.html> (accessed 16.02.2018).
9. Zelin A.Y. Interpreting the Fall of Islamic State Governance. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/interpreting-the-fall-of-islamic-state-governance> (accessed 16.01.2018).
10. Hashim A.S. *The Caliphate at War: Operational Realities and Innovations of the Islamic State*. New York, Oxford University Press, 2018. 392 p.
11. *Rolling Back the Islamic State*. Jones S.G., Dobbins J., Byman D. et al, eds. Santa Monica, RAND Corporation, 2017. 296 p.
12. McNally L., Amiral A. *The Islamic State in Afghanistan: Examining its Threat to Stability*. Middle East Institute. May 2016. Available at: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PF12_McNallyAmiral_ISISAfghan_web.pdf (accessed 01.03.2018).
13. Hassan H. Its dreams of a caliphate are gone. Now ISIS has a deadly new strategy. *The Guardian*, 31.12.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/31/isis-dreams-of-caliphate-gone-now-deadly-new-strategy> (accessed 16.02.2018).

14. Nance M. *Defeating ISIS: Who They Are, How They Fight, What They Believe*. New York, Skyhorse Publishing, 2016. 544 p.
15. *The World Almanac of Islamism 2017*. Lanham, Md., Rowman & Littlefield Publishers, 2017. 1158 p.
16. Pack J., Smith R., Mezran K. *The Origins and Evolution of ISIS in Libya*. Available at: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/The_Origins_and_Evolution_of_ISIS_in_Libya_web_0705.pdf (accessed 27.02.2018).
17. Ward A. *Why the Fall of the "Caliphate" in Syria Will Not Ease Western Security Concerns*. Available at: <https://www.rand.org/blog/2017/11/why-the-fall-of-the-caliphate-in-syria-will-not-ease.html> (accessed 16.02.2018)
18. Ward A. *Why Africa Could Provide an "ISIS Renaissance"?* Available at: <https://www.rand.org/blog/2017/11/why-africa-could-provide-an-isis-renaissance.html> (accessed 28.02.2018).
19. Wirtschafter J., Gadiaga K.J. Africa Becomes the New Battleground for ISIS and Al-Qaeda as They Lose Ground in Mideast. *USA Today*, 25.10.2017. Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2017/10/25/africa-becomes-new-battleground-isis-and-al-qaeda-they-lose-ground-mideast/796148001/> (accessed 16.02.2018).
20. Johnston P.B., Clarke C.P. Is the Philippines the Next Caliphate? ISIS is Looking to Regroup, and is Setting Its Sights Eastward, *Foreign Policy*, 27.11.2017. Available at: <http://foreignpolicy.com/2017/11/27/is-the-philippines-the-next-caliphate/> (accessed 16.02.2018).
21. Cafarella J., Zhou J. *ISIS's Expanding Campaign in Europe. War*. Available at: <http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20in%20Europe%20Update%20September-2017.pdf> (accessed 27.02.2018).
22. De Kerchove G. *Preparing to Counter ISIS2.0: European CT Efforts Since Charlie Hebdo*. Available at: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/preparing-to-counter-isis-2.0-european-ct-efforts-since-charlie-hebdo> (accessed 16.01.2018).

AFTER "THE CALIPHATE": WHAT IS THE FUTURE OF ISIS?

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 55-64)

Received 13.03.2018.

Andrei E. YASHLAVSKII (dosier@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

A loss of the territories which were under control of the terrorist group "Islamic State" (ISIS) in Syria and Iraq has significantly weakened the extremists' facilities not only on the battlefields in these countries. The ISIS propaganda machine is undermined, too. However, it does not mean a complete victory over the "Islamic State". The group still demonstrates a capability to adapt to new conditions, proceeds with the use of new tactics (a sabotage and guerrilla activity, terrorist attacks, etc.). The IS transformation from a "quasi-state" towards a global terrorist organization without a territorial bond designates considerable increase of this group's peril on a regional and global level. The continuing instability in the conflict zone raises serious concerns referring to a capability of the ISIS revitalization and even some kind of revenge (including a takeover of territories). There is also a possibility of IS militants' relocation to different regions of the world both in conflict areas (Afghanistan, Yemen, Lybia, etc.) and other countries (not excepting European countries and Russia). In this context, there is a real danger of foreign Jihadi fighters' returning to their home countries for sabotage and terrorist activities, as well as for creation of "autonomous Jihad" sleeper cells. The ISIS will continue to inspire its present-day followers and recruit new ones (especially among young people) in different countries of the world. It makes coordination of international counter-terrorist efforts and use of "smart force" against the IS necessary.

Keywords: extremism, Islamism, Salafi Jihadism, Islamic State, Syria, Iraq, Afghanistan, Yemen, Boko Haram, Middle East, terrorism, ISIS, ISIL, IS, Caliphate.

About author:

Andrei E. YASHLAVSKII, Candidate of Political Science, Senior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-55-64